

0-754766

На правах рукописи

ГРИМОВА Ольга Александровна

**АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО
СИМВОЛИЗМА: ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ
РЕЦЕПЦИИ**

10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Армавир – 2006

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Кубанского государственного университета

- Научный руководитель:** доктор филологических наук,
профессор **Л.А. Степанов**
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук,
профессор **С.А. Небольсин**
(ИМЛИ РАН им. М. Горького)
кандидат филологических наук,
доцент **И.Н. Иванова** (СГУ)
- Ведущая организация:** Краснодарский государственный
университет культуры и искусств

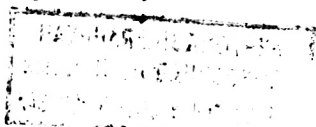
Защита диссертации состоится «27» февраля 2006 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета КМ.212.333.01 в Армавирском государственном педагогическом университете по адресу: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159, ауд. № 16.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Армавирского государственного педагогического университета (352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159).

Автореферат разослан «23» января 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук

Н.И. Крижановский

Общая характеристика работы

Актуальность и новизна исследования. В отечественном литературоведении сложился корпус работ, посвященный изучению различных аспектов проблемы «Серебряный век и античность». При этом можно указать на ряд исследовательских «лакун», требующих заполнения. Остается без ответа один из фундаментальных в рамках данной проблематики вопросов: какие именно философско-мировоззренческие и художественно-эстетические потребности русского символизма как системы заставляют его обращаться к наследию античности; как влияет знание об этом на уже сложившиеся в литературоведческой науке концепции рассматриваемого модернистского направления.

Вопрос о восприятии античного мифа (и античного мифологического героя в частности) нередко решается лишь фрагментарно, с учетом иных исследовательских целей (работы Д.Е. Максимова о Брюсове и Блоке¹, Л.Я. Гинзбург об Анненском² и др.). До сих пор не предпринят комплексный, затрагивающий не только идейно-содержательную, но и философско-эстетическую, а также функциональную стороны, анализ «сквозных» мифологических героических образов, участвующих в организации смыслового пространства художественного мира символистов. Исследовательская логика позволяет перейти от анализа лейтмотивных образов, функционирующих в рамках индивидуальной поэтической системы, к анализу их функционирования в рамках поэтической системы направления в целом; перейти от интерпретации символистской рецепции отдельных

---

¹ Максимов Д.Е. Брюсов. Поэзия и позиция. – Л.: «Сов. писатель», Ленингр. отд-ние, 1969. – 240 с.; Максимов Д.Е. Поэзия и проза Блока. – Л.: «Сов. писатель», Ленингр. отд-ние, 1975. – 526 с.

² Гинзбург Л.Я. О лирике / Предисл. А.С. Кушнера; подгот. текста С.В. Путилова. – М.: Интрада, 1997. – 415 с.

мифологических героических образов к литературоведческому осмыслению типологии этого художественно-творческого процесса.

Частично подобный подход был реализован в диссертациях О.А. Колобовой¹, Н.П. Крохиной², Н.А. Молчановой³, О.О. Хрусталевой⁴, однако данная проблематика далеко не исчерпана и требует дальнейшей разработки.

Новизна диссертации состоит в том, что в ней выявлены и охарактеризованы наиболее общие сущностные процессы восприятия и преобразования семантики античных героических архетипов в эстетике и поэтическом творчестве русских символистов; предложены разноосновные взаимосвязанные классификации символистских героических образов, определены их место и роль в миропонимании и художественной системе символизма.

Цель данной диссертации заключается в определении историко-культурных закономерностей, обусловивших обращение представителей русского символизма к мифологии, философии и художественному опыту античности, их тяготение к архетипам мифологической героики, осмысление трансформативных процессов, которыми оказался охвачен материал античной мифологии и конкретно ее героические образы в художественно-эстетической динамике символизма как модернистского течения в культуре конца 19 – начала 20 века.

В связи с этим в работе решается ряд основных исследовательских задач:

- установление и дефинирование специфики литературного мифологизма, возникающего в рамках символистского дискурса;
- конкретизация понятия «античный героический образ» в теоретико-эстетической и художественно-поэтической практике русского символизма;

---

¹ Колобова О.А. Космические образы в поэзии серебряного века: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

² Крохина Н.П. Миф и символ в романтической традиции (в русской поэзии и эстетике XX в.): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990.

³ Молчанова Н.А. Мотивы русской мифологии и фольклора в лирике символистов 1900-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 1984.

⁴ Хрусталева О.О. Античный миф в драматургии русских символистов: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988.

- построение разноосновных классификаций символистских героических образов, интерпретирующих античные образы-архетипы;
- выявление особенностей функционирования античного героического образа в поэтическом творчестве символистов на фоне его функциональных разновидностей в текстах русского классицизма, неоклассицизма, сентиментализма, романтизма;
- выяснение причин возникновения и анализ характера смысловых модуляций в границах плана содержания образа.

Объектом настоящего исследования являются:

- 1) корпус стихотворных текстов русских символистов (Н. Минского, А. Добролюбова, И. Коневского, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, И. Анненского, Д. Мережковского, В. Брюсова, М. Волошина, Вяч. Иванова, Вл. Соловьева, А. Блока, А. Белого, Эллиса);
- 2) их философско-эстетические и критические работы.

В качестве материала, связанного непосредственно с предметом изучения, привлекаются проза, мемуары и эпистолярный символизм, а также мифографические античные источники.

Предметом диссертационного исследования являются функциональные и семантические трансформации героических образов античной мифологии в эстетике и поэтическом творчестве русских символистов, в генезисе, развитии и судьбе этого модернистского направления.

Приоритетными являются следующие **методологические установки**:

- разграничение на теоретическом и экстраполяционном уровне форм литературной апелляции к мифу, таких как «мифологизм», «мифопоэтизм», «неомифологизм»; дефинирование понятия «рецепция античного материала» (совокупность всех возможных форм включения античного наследия в поэтический мир того или иного автора) и стратификация ее уровней (жанровый, сюжетно-фабульный, мотивный, ассоциативно-реминисцентный, образный). В рамках данной работы внимание фокусируется преимущественно

на последнем, все остальные рассматриваются в той степени, в какой связаны с ним;

- целостный подход к интерпретации художественной системы (как индивидуально-авторской, так и художественной системы символизма в целом), предполагающий отказ от хронологического членения изучаемого материала (при сохранении принципа жанрово-родового членения) и рассмотрение всей совокупности текстов, составляющих объект исследования, как единого квазитета творчества поэта/поэтической школы.

В рамках работы доминирующими следует назвать *историко-функциональный* и *типологический* подходы к истолкованию поэтического произведения. Анализ конкретных текстов и межтекстовых связей опирается на *структурно-семиотический* и *интертекстуальный* методы.

Теоретико-методологическая база исследования включает также мифоведческие и мифопоэтические концепции, представленные трудами С.С. Аверинцева, Ю.В. Доманского, М. Евзлина, Э. Кассирера, А.Ф. Лосева, Д.М. Магомедовой, Т.Г. Мальчуковой, В.А. Маркова, Е.М. Мелетинского, З.Г. Минц, Г. Надя, И.С. Приходько, В.Н. Топорова, М. Элиаде; учтены методологические подходы и научные результаты работ М.Л. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, принципы анализа и осмысления «сверхдлинных линий преемственности» в литературе и культуре, предложенные С.А. Небольсиным.

В работе осуществлен *мифопоэтический анализ* символистских тестов – как элемент анализа уровня *семантической поэтики*.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ведущими историко-культурными закономерностями, обусловившими интерес представителей русского символизма к мифологии, философии, идеологии и художественному опыту античности, являются:

- поиск нового «образа мира», новой ценностно-мировоззренческой, гносеологической (миф как универсальный метаисторический способ

восприятия действительности) парадигмы, опирающейся на отличное от рационалистически-позитивистского основание;

- акцентирование символичности, присущей семиотической природе мифа;
- стремление к космозации исторического, жизненно-эмпирического, текстового уровней бытия;
- сознательная культуросцентричная ориентация символизма; восприятие всех культур как квазисинхронных; установка на художественный синтез достижений различных культур и поиск на этой основе ресурсов обновления поэтической системы.

2. Обращение к образно-сюжетному арсеналу античной героики обеспечивало «понятийный аппарат» теоретико-эстетического и художественного осмысления неких идеальных личностных образцов, моделирующих основные типы героев символистских мифоориентированных текстов: тип «Новой», «Грядущей» Личности, преобразующей действительность; «экзистенциальный» тип, подразумевающий личность, помещенную в «синхронную» автору пространственно-временную, интеллектуальную, духовную систему координат.

3. В процессе взаимодействия символистской и античной героических картин мира формируются зоны их притяжения и отталкивания. Для обоих канонов первостепенно значимы категории «подвиг», «Рок», «воля», «трагическое». И античность, и символизм трактуют подвиг как средство героического самопреобразования, Рок - как универсалию мироздания, препятствующую космозирующей деятельности героя. При этом символистский героизм гораздо теснее, чем античный, сопряжен с индивидуалистическим самоутверждением, характеризуется усилением трагического звучания, подчеркнутой противоречивостью, психологической глубиной, экзистенциальной неблагополучностью героя. Воля героя трактуется не только как внутренняя свобода, но и как произвол. Под подвигом может подразумеваться выстраивание героического этоса как творчески-игрового (Н. Добролюбов, И. Коневской, К. Бальмонт) и трагическое претерпевание

действительности в ситуации, когда действие либо невозможно, либо окончилось фиаско (И. Анненский, Д. Мережковский, М. Волошин).

4. По сравнению с классицистической, сентименталистской, романтической поэтикой, символистский образ, построенный на античном героическом архетипе, крайне редко выступает в качестве аллегии, эмблемы, экземплификации; в нем ослаблено миметическое задание; более частотно его метафорико-символическое использование и роль неомифологической модели смысловой организации текста.

5. Символистский образ, ориентированный на античный героический архетип, полигенетичен в традиционном межкультурном и во внутрикультурном измерении. Автор-символист настолько расшатывает статус каноничности, конвенциональности мифа, что органичным становится свободное ассоциативное сближение мифологических линий, которые, хотя и принадлежат единой античной семиофере, но традиционно воспринимаются как далекие, неродственные: героика – титанический миф, героика – космогония, героика – дионисийский миф, героика – эсхатология.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Работа может способствовать уточнению и систематизации теоретических предпосылок для построения научной концепции русского символизма и шире – эстетики и поэтики модернизма. Предложенные в ней пути классификации теоретических позиций и художественной практики поэтов-символистов применимы для анализа эстетики и поэтики других литературных направлений, течений, школ, а также для разработки принципов и приемов литературоведческого анализа. Результаты исследования могут быть использованы в историко-литературных трудах и в преподавании учебной дисциплины «Русская литература конца 19 – начала 20 вв.» (в частности, они уже введены в программы и планы занятий, тематику курсовых и контрольных работ для студентов КубГУ).

Апробация диссертации. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории русской литературы Кубанского государственного университета. Основные положения и выводы изложены в докладах на международных и

региональных научных конференциях, состоявшихся в Воронеже, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Армавире в 2002-2005 годах: «Литература в диалоге культур», «Русская философия и православие в контексте мировой культуры», «Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии», «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения». По теме диссертации опубликовано 9 работ общим объемом 3,5 печ. л.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Текст диссертации изложен на 194 страницах; Библиография включает 234 наименования.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность и научная новизна работы, освещается степень разработанности проблемы, очерчиваются рамки объекта и предмета исследования, определяются его цели, задачи и методологические установки, определяется структура.

Первая глава «Типология античного героя в теоретических концепциях русских символистов» посвящена изучению модернистских философско-эстетических установок, объектом которых выступает образ героя античного мифа и героическое как категория онтологически-экзистенциального, эстетического и этического уровней.

В данной главе осуществлен анализ ряда философско-эстетических текстов Вл. Соловьева, Вяч. Иванова, Д. Мережковского, И. Анненского, А. Белого, М. Волошина, направленный на реконструкцию 1) «теоретического образа» античного мифологического героя в структуре метахудожественного дискурса символистов; 2) специфически модернистских способов решения проблемы героя и героического.

В процессе анализа понятие «античный героический образ» конкретизируется применительно к эстетической и поэтической практике русского символизма. выделяется ряд основных современных философско-

эстетических актуализаций мифогероических образов с учетом типовой доминанты, а именно:

- герой как художник-теург (а также негативные конкретизации этого же аутентичного смысла):
  - ◆ герой как воплощение «природного» (то есть непричастного уровню преобразования жизни) человека;
  - ◆ герой, не достигший теургического идеала, не сумевший реализовать свое предназначение;
- культурный герой/демиург; герой-деятель, создатель в универсальном смысле. В семантическом поле этой конкретизации, в отличие от предыдущей, значение организации эстетического уровня жизни не акцентировано;
- герой-титан как образ «благого мятежа»; а также негативная конкретизация:
  - ◆ герой-мятежник, инициирующий распадение целостности бытия;
- герой-странник.

Можно говорить о существовании различных символистских нехудожественных идиостилей, формирующих образ античного мифологического героя. Так, Вл. Соловьев-философ («Общий смысл искусства», «Жизненная драма Платона», «Идея сверхчеловека» и др.) не дает определения непосредственно образу и понятию героя античного мифа; дефиниция рождается по принципу «от противоположного», путем отталкивания от формулировки концепции «сверхчеловека», «духовной», «новой» личности: античный герой – одна из форм выражения идеи «природного человека», сущность которого нуждается в преображении. Обращаясь к дионисийской «терминологии», объясняет сущность мифогероики Вяч. Иванов (предисловие к трагедии «Прометей», диссертация «Дионис и прадионисийство», статья «Взгляд Скрябина на искусство» и др.). К философскому потенциалу титанической мифологии прибегает в аналогичных целях Д. Мережковский «Атлантида – Европа: Тайна Запада»). Метод построения психологических характеристик осовременивает, «оживляет» героев мифа,

увиденных И. Анненским (статьи трехтомника «Театр Еврипида»). А. Белый и М. Волошин рассматривают их сквозь призму культурного кода древнегреческой трагедии (статьи А. Белого: «Магия слов», «Кризис сознания и Генрик Ибсен», «Пророк безличия» и т.д.; лекция М. Володиной «Отцеубийство в античной и христианской трагедии (Братья Карамазовы и Эдип-царь)»).

Основная интенция, задающая стратегическое направление модернистской интерпретационной мысли, - интенция разноаспектного дефинирования Новой Личности, художника-теурга в его креативной и деструктивной ипостасях. Влияние этой интенции на процесс образопостроения определяет динамику и направление отступления символистской трактовки от «правды мифа».

В заключительной части первой главы сформулированы и охарактеризованы основные из данных семантических тенденций, а именно:

- амплификация (смысловое расширение, размывание границ) героической образной разновидности, присущей мифу. Серебряный век включает в структуру героического характера черты, которые миф соотносил с иными типами образов (Дионис (бог)-герой Вяч. Иванова, герой-титан Д. Мережковского, герой-смертный И. Анненского), либо увиденные сквозь призму трагедийного кода (в работах Вяч. Иванова, А. Белого, М. Володиной, И. Анненского);
- христианизация античного мифологического героя, обусловленная общемодернистской тенденцией восприятия всех культур как «квазисинхронных» (И. Искржицкая) (Прометей-Люцифер Вяч. Иванова, Прометей-титан-Христос Д. Мережковского);
- усиление трагического звучания героического образа;
- гипертрофия личностного, индивидуалистического начала в структуре героического характера;
- подчеркивание амбивалентности, психологической глубины, противоречивости, нелинейности героя.

Найдены и литературоведчески осмыслены зоны притяжения и отталкивания античного и символистского героического канонів. Так, для

обоих канонов первостепенно значимы категории «подвиг», «Рок», «воля», «трагическое». Во многом совпадает их семантика в рамках древней и современной культурных систем. Например, и античность, и символизм трактуют подвиг как средство героического самопреобразования и преобразования окружающей действительности, Рок - как универсалию мироздания, препятствующую космизирующей деятельности героя, трагическое – как черту имманентную героической теургии и т.д. Наряду с этим выявляются различия современной и древнегреческой героических концептосфер. Например, воля героя трактуется модернистами не только как внутренняя свобода, но и как произвол. Под подвигом может подразумеваться выстраивание героического этоса как творчески-игрового (старший символизм) либо поступок, приближающий героя к трансцендентному Абсолюту (младосимволисты). Образ Рока нередко предстает мифологической персонификацией идей Времени / Хаоса.

Определение специфики символистской рецепции античного героического образа невозможно без выяснения роли, которую в общем механизме этой рецепции выполняет классическая традиция. **Во второй главе** диссертационного проекта анализируются особенности функционирования античного героического образа в поэтическом творчестве символистов на фоне диахронической ретроспективы. Задача этой части работы – установить, чем функциональный статус образа мифологического героя в модернистских текстах отличается от своего аналога в текстах русского классицизма, неоклассицизма, сентиментализма, романтизма. В качестве методологической базы анализа мы разработали систему, состоящую из двух функциональных зон:

Зона I. Мифологический героический образ как элемент плана выражения стихотворного произведения (т.е. как определенная форма художественной условности).

Группа 1. Героическая мифологема как единица собственно стилистического уровня текста.

Под текстом в этом случае подразумевается «неантичное» стихотворение, то есть такое, художественно-образительная система которого не связана ориентацией на античную образность. Героическая мифологема будет находиться вне основного идейно-тематического содержания данного произведения, обеспечивая своего рода «внешний колорит» античности. Дистанция между авторским и мифологическим дискурсами в этом случае максимальная. К данной группе мы относим случаи обращения к античным героическим образам, выступающим в функциях *аллегорезы, эмблемы, экземплификации, метафоры.*

Группа 2. Героический образ как «обрамление» авторской точки зрения.

Этот тип можно охарактеризовать как «переросший» собственно стилистическую функциональность. В нем эстетически преломленная античность является базой образной системы и основой сюжетообразования, однако не определяет идейную доминанту текста. Данная группа представлена следующими функциональными разновидностями:

- героический образ-символ (преимущественно в роли центрального образа стихотворения);
- героический образ как базовый элемент текста, представляющего собой миметическое постижение античности, своего рода «самоценную античность».

Зона II. Античный героический образ как неомифологический феномен.

Образ героя и героический миф в целом (как канонический, подвергаемый интерпретации, так и индивидуально-авторский) составляют центр, ядро эстетического бытия автора и текста. Авторский дискурс задается мифологическим; героический миф репрезентирует собственно план содержания стихотворения, выступает в роли кода, раскрывающего значение

изображаемого; всецело детерминирует идейно-художественный уровень произведения.

Анализ соответствующего стихотворного материала приводит к следующим наблюдениям. По сравнению с классицистической (Г. Державин, М. Ломоносов), сентименталистской (И. Дмитриев, Н. Карамзин) и романтической (К. Батюшков, В. Жуковский, И. Козлов) картинами функциональности символистская определяется чрезвычайно низкой частотностью употребления мифологического образа в роли аллегории, эмблемы, экземплификации. Крайне редко символистский героический образ несет на себе отпечаток авторской установки на миметическое изображение объекта. Широко востребованы в рамках модернистской поэтической системы метафорико-символические формы художественной условности. Доминирующей же в функциональном измерении символистских текстов необходимо признать неомифологическую модель.

В третьей главе «Семантика античного героического образа в поэзии символизма» исследуется смысловой аспект символистской актуализации мифологического образа, для чего разработаны две разноосновные классификации – *проблемно-тематическая (К1)* и *типологическая (К2)*; данные схемы комплетивны.

Проблемно-тематический принцип классификации подразумевает анализ лейтмотивных для ряда писателей-символистов, «сквозных» мифологических образов. Порядок рассмотрения определяется частотностью художественного обращения к тому или иному образу: Прометей, Орфей, аргонавтические герои, Фазтон, Одиссей, Нарцисс как наиболее часто востребованные персонажи. Образы Геракла, Тезея, Эдипа, Ахилла, Персея, Икара остаются за рамками нашего рассмотрения, так как к ним символисты апеллируют заметно реже. Можно говорить о следующей закономерности: чем более «благополучно», бесконфликтно внутреннее пространство античного образа-архетипа, тем ниже степень его востребованности в культуре рубежа 19-20 вв.; чем выше уровень

его экзистенциальной напряженности, духовно-нравственной нелинейности, тем многообразнее его жизнь в модернистских текстах.

В «поле действия» К1 попадает образность разного функционального статуса: и «несимволистская», и неомифологическая. Проблемно-тематическая классификация позволяет выявить общность содержательно-тематической доминанты образа и спектр семантических «новшеств», привнесенных в канонический образ его новой художественной интерпретацией.

Критерием для К2 служит общность архитектурного структурирования плана содержания, даже если план содержания ряда образов, составляющих тип, различен. «Несимволистская» по своему способу функционирования образность остается за рамками К2, акцент сделан на образности неомифологической, на тех ее группах, на которые приходится «лакуны» проблемно-тематической классификации.

Типологическая классификация (К2) позволила выделить два типа героических образов, ориентированных на античную мифологическую модель. Первый из них обозначен как «*эталонный герой*». Под данным словосочетанием понимается выраженная при помощи «понятийного аппарата» античной мифологической героики совокупность авторских представлений о Новом Человеке, авторское сообщение, реализованное в семантике и архитектонике образа, о том, что «Новый Человек должен быть и будет таким...». В идеологии русского символизма всех периодов его развития было чрезвычайно укоренено представление о некотором эсхатологическом событии, долженствующем изменить не только мировой, но и космический порядок, включая онтологию и эмпирию человеческого существования (хилиастические ожидания соловьевцев, религия Третьего Завета и др.). Переводя в поэтическое измерение чаяния о Новой Личности, ряд символистов сочли подходящим именно героический образ, генетически восходящий к античности.

Второй тип дефинирован нами как «*экзистенциальный герой*», причем вся сумма смыслов, вкладываемая в номинацию «экзистенциальный» соответствующей философской традицией, сохраняется. План содержания

этого образного единства определяется желанием автора изобразить не столько Грядущую Личность, сколько человека, помещенного в симультантную автору пространственно-временную, интеллектуальную, духовную систему координат.

«Эталонный» и «экзистенциальный» героические типы распадаются на подтипы, вычлененные нами в соответствии со следующим принципом.

Доминантными в общесимволистском «мифе о мире» являются, помимо героического, мифы космогонический, эсхатологический, миф о вечном возвращении и некоторые другие; все они образуют разновекторные взаимодействия с героической парадигмой, видоизменяясь и видоизменяя ее. Собственно героический образ в пространстве единого символистского квазитекста вступает в контакт с другими образными единствами, присущими традиционному мифу, и, в частности, с образами стихий и богов. Многомерность семантического измерения героики не может быть вполне выявлена без учета такого вида интеракций. В связи с этим в границах типологического единства «эталонный герой» выделяются два подтипа, образованных путем взаимодействия: 1) героики и космогонии; 2) героики и эсхатологии. Образы, соотносящиеся с типом «экзистенциального» героя, как правило, обнаруживают в своей структуре и семантике следы контакта героического мифа и мифа о вечном возвращении, а также «титанической» мифологии.

Результаты разработки проблемно-тематической и типологической классификаций таковы:

1. Частотно активизируемые героические архетипы обеспечивают достаточно широкий арсенал средств для разностороннего художественного осмысления образа Новой Личности, а именно следующих его аспектов:

- *теургический*; герой – преобразователь действительности /от социальной до трансцендентной/ (*Прометей*);
- *художественно-креативный*; Новая Личность как абсолютный художник, носитель квинтэссенции поэтической одаренности, обладающей сверхприродной мощью (*Орфей*); и как грань этого аспекта героики –

- *проблема духовной изоляции творческой личности, абсолютной замкнутости в художественно-креативном статусе (Нарцисс);*
- *мессианский аспект; Новая Личность, выполняющая миссию удаления от мира обыденности ради соединения с софийным началом, Руном-Солнцем-Вечной Женственностью /вариант: ради освобождения его/ (Язон);*
- *аспект выражения обобщенно-образцовой бытийной стратегии; герой как носитель «действицентричного» этоса (Фазтон).*

Семантическое богатство мифологического героического образа обеспечивает также выражение специфически модернистской нюансировки осовременяемого героического канона – нюансировки, настаивающей на оксюморонности, «неположительности», духовной сложности образа.

Выясняется, что Прометей Бальмонта дополняет доминантную для символистской героики теургическую семиосферу антитеургическими оттенками. Поэт изображает героическое действие, разрушающее онтологическую целостность бытия, как этап на пути создания героем-антитеургом собственного миропорядка. Вяч. Иванов, создав весьма «неканонический» образ Орфея, осмысливает «неоднородность» абсолютного поэтического дара, его стихийно-хаотический, дионисийский ракурс. Символистский Фазтон – не только воплощение онтологической динамичности как идеальной жизненной стратегии, но и повод к размышлению о проблемах самоидентификации, поиска истинного «я» (Эллис, Брюсов), о греховности чрезмерного приближения к «земному» (Вяч. Иванов). В прочтении И. Анненского, действие Фазтона – знак конечности существования, переводящий героический дискурс мифа в экзистенциальный, подчеркнуто человеческий. Смысл «неприятие духовной статики», практически единодушно связываемый символистами с образом Одиссея, Вяч. Иванов интерпретирует как неуловимость внутреннего облика («многоликость»), сокрытие своей ноуменальной сущности за «кажимостью», то есть как «дьявольщину» и т.п.

2. Переориентация плана содержания античного героического образа достигается в символистских текстах благодаря разноуровневым

трансформациям, осуществляемым как в системе традиционных образов и сюжетов, «не скрывающих» своей античной атрибутированности (проблемно-тематическая классификация), так и путем отталкивания от констант канонической системы, ее преобразования (типологическая классификация). В диссертации рассматриваются преобразования семантического уровня.

Высокая степень свободы в обращении с античным материалом на рубеже веков обусловлена несколькими факторами, среди которых - установка на новизну и неожиданность, «нарочитую» оригинальность образа как один из модернистских критериев художественности. Еще один фактор в названном ряду – осмысление античности не просто как арсенала мертвых форм или неопределенной «культурной традиции», но именно как живой современности, что во многом предопределяет подчеркнутый субъективизм художественного интерпретирования.

Рассмотренные трансформации создают своеобразную гиперструктуру, объемлющую и обращение к архаическому мифотворчеству (активизация ядерных образов-архетипов «герой – солнце», «смерть героя – закат солнца», «пожар – регенерация мира» и др.), и религиозно-философский план (восприятие поэтами-символистами сюжетного пути античного героя /Язона, Одиссея, Фаятона и т.д./ как символа духовного движения Нового Человека (Поэта) из пространства артистического бытия в пространство творения религиозных ценностей), и метафорическое мифопоэтическое мышление.

3. Основные методы семантической трансформации, осуществляемой автором-символистом, находящимся “фактографически” внутри античной образно-сюжетной традиции, таковы:

- *Универсализация, космолизация античного героического образа.* «Один из» героев мифологического комплекса, совершающий «один из» подвигов, становится в модернистском сюжете («единственным», «окончательным», «универсальным». Например, Орфей Вл. Соловьева – эсхатологический герой, изменяющий трансцендентный порядок, избавляющий от смерти все человечество.

- *Ассимиляция героическим образом черт типологически иных образных единств, присущих античному мифу.* Так, семантическая сфера образа Одиссея Д. Мережковского преобразуется за счет включения титанических черт.
- *Интеллектуализация образа.* В поэме М. Волошина “Путями Каина” образы “Прометей”, “Прометеев огонь” выступают в функции философов.
- *“Сворачивание” образно-сюжетного многообразия исходного мифа до приобретения им характера знака-мифологемы;* герой превращается в «знак» определенного авторского самоощущения (герои аргонавтического мифа в интерпретации младосимволистов).

4. Античный героический архетип на рубеже веков актуализировался не только путем преобразований в рамках прямого обращения к древнегреческому мифоканону, не только путем работы с именами и реалиями, освященными античной традицией, но и посредством структурно более сложных апелляций. Показателен такой тип текстовой трансформации, когда героические образ, мотив и сюжет словно абстрагируются, теряют свою однозначную античную отнесенность, становятся обобщенной событийно-мировоззренческой моделью, каркасом, на который наращивается ткань иных мифологических или философско-мифологических парадигм - *космогонической, эсхатологической и экзистенциальной.*

Анализ их взаимодействия с героической образно-сюжетной мифомоделью позволяет углубить представления о «полигенетичности» (В. Жирмунский) символистского образа, сосредоточиться на его внутрикультурной гетерогенности, которой обычно уделяется гораздо меньше внимания, чем межкультурной (межмифологической). Данный подход дал ключ к поэтике мифологического образа как участника именно символистской (в отличие от классицистической, романтической и др.) поэтической реальности. В границах этой поэтики статус каноничности, конвенциональности мифа расшатывается настолько, что автор считает органичным свободное ассоциативное сближение мифологических линий, традиционно воспринимаемых как далекие,

неродственные. Например, герой сборника А. Белого «Золото в лазури» совмещает в своей структуре софийный, аргонавтический, солярный, дионисийский мифологические элементы, что проявляется в виде «солнечно-винных» метафор, постоянно атрибутирующих героя, и т.д.

5. Смысловой контакт героики и космогонии происходит преимущественно в декадентских (предсимволистских) текстах. Реконструкция диалога этих линий позволила, с одной стороны, увидеть декадентский солипсизм в нестандартном для его литературоведческой оценки мифопоэтическом ракурсе (внутренняя жизнь персонажа-носителя героического этоса, вбирая в себя жизнь стихий, разрастается до масштабов космической), а с другой – обнаружить активное обращение предсимволистов к космогонии как способ выразить ощущение себя «при начале», ощущение «первородности» производимого художественно-онтологического акта.

На пересечении героического и космогонического векторов появляется образ, воплощающий один из аспектов авторской формулы личностной эталонности. «Стихийный гений», «сын Солнца» (К. Бальмонт), солярный герой (образ, во многом ориентированный на мифологическую героическую модель) совершает подвиг приближения к стихийным основам мироздания и за счет этого становится способным к преобразению действительности.

6. Внесение элементов эсхатологической мифологии в структуру героического образно-сюжетного единства свидетельствует о тенденции к пессимистически-иронической коррекции эталонно-героической личностной стратегии (полет аргонавтов к Солнцу-Руну в текстах А. Белого оборачивается трагической гибелью путешественников; Прометеев мятеж, согласно М. Волошину, влечет за собой разрушение единства мироздания, апокалипсис).

7. Еще более отчетливо это мироощущение в рамках экзистенциального прочтения античных героических образов и сюжетов. Привнесение экзистенциальных смыслов в концептосферу героического канона существенно изменяет содержание и функции мифологических категорий подвига и действия в целом. Античные герои в стихотворениях И. Анненского (Одиссей,

Фазтон, Персей и Андромеда), М. Волошина (Эдип, Орфей), Д. Мережковского (Одиссей, титаны) показаны либо в ситуациях, когда действие невозможно, либо когда оно уже привело к фиаско. Вяч. Иванов обосновывает и поэтически реализует концепцию действия как грехопадения. Такая трансформация одной из универсалий традиционной мифологической героики, категории подвига, – проявление экзистенциальной онтологической позиции: герой отказывается от действия, потому что осознает бессмысленность любого личностного волюнтаристического проявления в мире, живущем по законам Высшей Воли, Необходимости. Утрата сферой действия и личностной воли ее обычной аксиологической значимости компенсируется перемещением фокуса авторского и читательского внимания на область внутренней жизни героя, прежде всего на ее трагизм.

Задача «экзистенциально-мифологического» героя – не изменить действительность, а выдержать ее. Героизм поступка сменяется героизмом претерпевания перед лицом гибели, видоизмененным героизмом.

Потребность в диалоге экзистенциальной концептосферы и античных мифологических образно-сюжетных комплексов возникает в контексте трагического осмысления личностного начала поэтами-символистами рубежа 19-20 вв. Этот диалог становится одной из составляющих процесса экзистенциализации русской поэзии и прозы начала 20 века. С одной стороны, контакт мифологического и экзистенциального мироощущений углубляет восприятие античного героя – и героя вообще – как «страстотерпца». С другой, помогает сформулировать стратегию выхода из «страстной» участи в пространство экзистенциальной свободы, бунта как область самоопределения личности.

В Заключении подводятся итоги исследования и формулируются общие выводы. Отмечается, что в диссертации осуществлена попытка реконструкции героического «сегмента» символистской мифологической картины мира как системы, состоящей из нескольких мифологических единств, связанных отношениями динамического взаимодействия. Определяется ближайшая

перспектива данного исследовательского направления – построение разноаспектных классификаций, описывающих трансформации античного мифологического комплекса в художественной системе русского модернизма.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Античные мифологические архетипы в художественном сознании серебряного века // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. Междунар. сб. науч. тр. – Вып. 19 / Под ред О.В. Кирикова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 251-255 (0,3 п.л.).
2. Рецепция античной героической образности в поэзии русского символизма // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. Междунар. сб. науч. тр. – Вып. 20 / Под ред О.В. Кирикова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 20-24 (0,3 п.л.).
3. Поэзия Тютчева в контексте самоопределения символистской эстетики и книга В. В. Кожина «Тютчев» (ЖЗЛ) // Наследие В. В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: Материалы 2-й международной научно-практической конференции. – Ч. II / Под ред. Ю.М. Павлова и Н.Г. Рубцова. – Армавир: АГПУ, 2003. – С. 161-167 (0,4 п.л.).
4. Образ античного героя в эстетике А. Белого: особенности функционирования // Философия в XXI веке. Междунар. сб. науч. тр. – Вып. 1 / Под ред. О.В. Кирикова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 120-123 (0,25 п.л.).
5. Героическое как категория философско-эстетической системы Вл. Соловьева и объект литературоведческой рефлексии В.В. Кожина // Наследие В. В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: Материалы 3-й международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Павлова и Н.Г. Рубцова. – Армавир: АГПУ, 2004. – С. 357-362 (0,35 п.л.).

6. Константы структуры античной трагедии в теоретической рефлексии русских символистов (А. Белый) // Литература в диалоге культур-2. Материалы международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. – С. 92-94 (0,2 п.л.).

7. Героико-титанический миф в эстетике Д.С. Мережковского и Вяч. И. Иванова // Русская философия и православие в контексте мировой культуры. Материалы международной научной конференции. <http://korfo.kubsu.ru> (0,25 п.л.).

8. Концепция античного героя в философско-эстетической системе Вяч. И. Иванова // Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения. Материалы 3-й межвузовской конференции молодых ученых/ Под ред. В.П. Абрамова, Л.Ю. Буяновой и др. – Краснодар: КубГУ, 2005. – С. 129-131 (0,2 п.л.).

9. Античный герой в художественной системе русского символизма: особенности эстетической и творческой рецепции: отчет о НИР (заключительный) / Кубанский гос. ун-т; рук. Степанов Л.А.; исполн.: Прокопова О.А. – Краснодар, 2005. – 22 с. – № ГР 0120051136 (1,2 п.л.).

Гримова Ольга Александровна

АНТИЧНЫЙ ГЕРОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО
СИМВОЛИЗМА: ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ И ТВОРЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

Автореферат

Подписано в печать 16.01.06 г. Формат А-5. Бумага 80 г/м².
Печать трафаретная. Усл.печ.л. 6. Тираж 100 экз. Зак.6

Отпечатано с оригинал макета заказчика в минитипографии «Манускрипт»
г. Краснодар, тел. 238-48-97